

Накануне возможной новой «перестройки» полезно обратиться к дискуссиям предыдущей. Они до сих пор практически не изучены, и тем более не поняты. Хочется верить, что их осмысление позволит избежать ошибок и провала реформ 1990-х годов.

Экономические дискуссии конца перестройки

Г. И. ХАНИН,
*доктор экономических наук,
Сибирская академия государственной службы
E-mail: galinasu@rol.ru*

В конце перестройки начала 1990-х годов обществу предлагалось множество моделей экономического развития: от возврата к классической модели командной экономики до анархо-синдикализма. Проанализировать их все не представляется возможным, да и в этом нет особой необходимости: многие были маловлиятельны и (или) явно нереалистичны. К числу же самых популярных и влиятельных концепций можно отнести (по степени отхода от сложившейся экономической системы и реалистичности) следующие: 1) модифицированная командная экономика; 2) рыночный социализм; 3) теория постепенного перехода к рыночной экономике; 4) радикальная рыночная экономика.

1. Модифицированная командная экономика

Наиболее серьезное и глубокое изложение позиций сторонников модификации командной экономики и социализма содержалось в вышедшем в середине 1990 г. 100-тысячным тиражом сборнике «Альтернатива: выбор пути»¹. Несмотря на колоссальный тираж, эта исключительно содержательная

¹ Альтернатива: выбор пути. М., 1990. Далее в этом разделе приводятся ссылки на данный сборник с указанием авторов статей и страниц.

© ЭКО 2008 г.

и квалифицированная книга до сих пор не нашла отражения в экономической литературе, ее попросту замолчали.

Авторы исходили из того, что командная экономика – результат происходившего в мире (по мере изменения производительных сил) процесса обобществления производства, поэтому попытка возрождения частной собственности и рыночных отношений является реакционным явлением, шагом назад для советской экономики². Неудачи в ее развитии с 1958 г. – следствие попыток движения в этом ложном направлении (мой анализ подтверждает данные выводы).

«Кризисные явления в советской экономике свидетельствуют не о крахе централизованного планирования..., а о банкротстве идеи сочетания плана и рынка, которую мы безуспешно пытаемся осуществить начиная с 1965 г. Эта идея неосуществима. Недаром Ленин квалифицировал ее буржуазной утопией... Социалистической экономике, начиная с 1965 г., стали насильственно навязываться элементы производственных отношений прошлой формации». Из этого делался вывод, что предпочтительнее не восстанавливать старый распределительный механизм, тормозящий развитие производительных сил, а создать новый, отвечающий современному уровню их развития и общественной собственности на средства производства.

Отсюда вытекало отрицательное мнение авторов сборника о проводившейся в СССР с 1988 г. радикальной экономической реформе и ее влиянии на экономическое развитие. «Она опять направлена против исторически обусловленного хода общественного прогресса. Именно это обстоятельство, а не какие-то мнимые “враги перестройки”, является причиной углубления кризисных явлений в советской экономике и общественной жизни»³.

Авторы предсказывали, что, став на путь рыночной экономики, придется восстановить все элементы капиталистических производственных отношений. Они решительно (и провидчески) отвергали возможность достижения экономических успехов на данном пути, подходя к этой эволюции как к общественному регрессу. «Надежды, что на этом пути

² Мелентьев А. Ю. Ленинское наследие и вектор перестройки // Указ соч. С. 8.

³ Якушев В. М. Не разрушать, а созидать // Указ. соч. С. 35–36.

мы получим экономическую эффективность, что у нас будет как в Швеции или, в лучшем случае, как в США, на что усиленно намекают уставшему от неурядиц обывателю экономисты рыночной ориентации, совершенно беспочвенны». По их мнению, рыночный механизм характерен для слаборазвитых стран, а в развитых «повсеместно идет замена рыночной координации административной, и она, по оценкам западных экономистов, является многократно более эффективной, чем рыночная», имея в виду господство монополий и государственное регулирование экономики.

Развивая эту мысль, они сделали следующий важный вывод: «Сейчас в советском обществе уровень развития производительных сил таков, что рыночный механизм уже не может их эффективно обслуживать. Его время прошло. Мы можем вернуться к нему, если согласимся довольствоваться примитивной продукцией, производимой с помощью примитивного оборудования, если откажемся от технического прогресса... Переходу на экономические методы управления... препятствуют не столько ведомства и бюрократы, сколько современные производительные силы, которые мы все-таки хотим сохранить... Реально путь рыночных реформ ведет страну к экономическому и социальному краху. Для подавляющего большинства населения это будет означать нищету и несправедливость, сама же страна будет расчленена на ряд мелких государств, поставленных в зависимость от международных монополий»⁴.

Квалифицированный анализ разрушительного влияния демонтажа командной экономики (особенно в долгосрочном плане) характерен и для других авторов сборника. Так, К. А. Хубиев отмечал, что в период экономического кризиса капиталистические страны, в противоположность СССР периода конца перестройки, усиливали государственное регулирование экономики. Он обращал особое внимание на важность обновления основных фондов на ключевых направлениях экономики. «В условиях современной научно-технической революции этого нельзя сделать без разработки и реализации государственных научно-технических программ. Расчет на то, что отдельные самофинансирующиеся хозрасчетные предприятия справятся

⁴ Якушев В. М. Не разрушать, а созидать // Указ. соч. С. 37–38.

с этой задачей, был с самого начала ошибочен... отсутствие государственных научно-технических программ обновления основных фондов на самых главных участках экономики – предпосылка углубления кризиса... Таким образом, экономика стоит перед объективной “железной” необходимостью воссоздания и укрепления планового управления. Настойчивые требования его дальнейшего демонтажа просто губительны»⁵.

Губительное воздействие перестройки на экономику (и особенно на научно-технический прогресс) отмечал также и А. М. Еремин, цитируя выступление академика Б. Е. Патона на II съезде Народных депутатов СССР, где говорилось об «откровенной недооценке научно-технического прогресса, на фоне которой осуществляется экономическая реформа, о неоправданном ослаблении государственного воздействия на создание и освоение в производстве новой техники»⁶.

Анализируя тенденции развития экономических институтов в период перестройки, К. А. Хубиев писал: «Какой же капитализм возможен у нас? Скорее всего, бангладешский или индийский в лучшем случае... Кто составит первое поколение наших доморощенных капиталистов? Ими ведь не будут специалисты высокого класса, руководители научно-технических комплексов, заводов, фабрик. Как предупреждает криминальная практика последних лет, ими будут вчерашние чиновники-казнокрады, взяточники, спекулянты. Дельцы теневой экономики охватили не сферу научно-технического прогресса»⁷.

Связывая экономический кризис периода перестройки с демонтажем командной экономики и ее переходом к капиталистической, В. Н. Минаев делает важный пугающий вывод: «Если страна и впредь будет идти по пути внедрения рыночных отношений, то с кризисом может быть покончено только по завершению перевода экономики на капиталистический путь развития. Однако такой выход из кризиса, а он продлится многие десятилетия, не принесет стране изобилия. Оно будет у немногих». Аналогичный вывод делает и Г. С. Родин: «Реформа антинаучна по своему существу, и в течение многих лет только будут

⁵ Хубиев К. А. Второе дыхание реформы // Указ. соч. С. 99.

⁶ Еремин А. М. Собственность – основа всей экономики, общества // Указ. соч. С. 172.

⁷ Хубиев К. А. Указ. соч. С. 101.

отрицательные результаты по сравнению с любым предшествующим периодом послевоенного развития СССР. И это будет продолжаться до тех пор, пока в стране не укрепится новый общественно-экономический строй с соответствующей перестройкой структуры народного хозяйства, пока не сформируется полностью рыночный механизм регулирования экономики»⁸.

Именно прогнозирование долгосрочного характера экономического кризиса отличает анализ экономистов марксистско-ленинского направления от сторонников радикальной экономической реформы, которые (и то не все) только в 1990 г. начали осознавать его неизбежность при переходе к рыночной экономике. Но длительность кризиса они определяли в несколько лет, пока не завершится переход к рынку, в то время как их оппоненты связывали окончание кризиса с формированием цельной системы капиталистического хозяйства, что требует нескольких десятилетий. Нет нужды говорить, как отреагировало бы общество на подобную перспективу. Становятся понятны причины замалчивания данного сборника.

Авторы сборника далеки от апологетики существующей системы хозяйствования, они ее критикуют, как и либеральные экономисты, называют затратной и показывают многочисленные изъяны. Принципиальная разница состоит в выводах. Для либеральных экономистов недостатки системы были связаны с неустранимыми пороками социалистической командной экономики, в то время как для авторов сборника они стали следствием ее недостаточной социалистичности (использование товарно-денежных отношений и примитивность методов управления, в том числе планирования). Они ставили задачу выработать антизатратную социалистическую систему хозяйствования. В противоположность либералам с их лозунгом «меньше социализма», они хотели «больше социализма». Вопрос в том, насколько реалистичны предлагаемая ими система и другие идеи в области экономической политики.

Необходимо подчеркнуть, что авторы сборника, наряду со многими общими взглядами на реформирование советской эко-

⁸ Минаев В. Н. Что главное нужно сделать, чтобы выйти из экономического кризиса // Указ. соч. С. 136; Родин Г. С. Альтернатива: социалистический выбор и рынок // Указ. соч. С. 435.

номики, имеют различные мнения о решении отдельных вопросов хозяйствования и экономической политики. Изложу кратко основные их идеи с необходимыми комментариями.

✓ Большинство авторов сборника противопоставляют меновой стоимости, лежащей в основе планирования советской экономики и придающей ей затратный характер, потребительную стоимость, соответствующую, по их мнению, характеру социалистической экономики. Вот как характеризует данный механизм хозяйствования В. М. Якушев: «Прямая цель социалистической экономики – не просто удовлетворение спроса, а удовлетворение действительных потребностей общества, признаваемых обществом как разумные. Поэтому в ходе перестройки необходимо создание планового механизма изучения, формирования и удовлетворения действительных потребностей людей. Для этого должна быть изменена статистическая отчетность. Она должна отражать не просто рост производства, а степень удовлетворения общественной потребности. Поэтому в зеркале статистики следует отражать три цифры по каждому виду продукции: уровень потребности по данному виду продукции, реальный уровень ее удовлетворения и реальный уровень ее производства». О работе промышленности, сельского хозяйства, сбытовых и снабженческих организаций нужно судить по тому, как сокращается разрыв между должным и реальным.

Далее он конкретизирует: «Механизм изучения и учета потребностей нужно строить на основе демократического централизма и формировать силами всего общества (экономического центра и трудящихся). Необходимо разработать классификатор общественно необходимых потребностей, позволяющих относить их в ту или иную группу на основе четких критериев, а также ранжировать их между собой. Самый высокий ранговый индекс должен быть присвоен конечным потребностям населения. Надо разработать демократические процедуры определения приоритетов удовлетворения тех или иных потребностей и в соответствии с установленными с помощью общественности приоритетами концентрировать материальные и трудовые ресурсы на выпуск соответствующей продукции. Ориентация на потребительную стоимость позволяет по-новому подойти к оценке деятельности предприятий. Трудовому коллективу следует доводить лишь один

плановый показатель – номенклатуру производимой продукции. Условия же, необходимые для ее производства, регламентируются посредством системы нормативов... Эффективность деятельности коллектива определяется путем сравнения фактических результатов, полученных в ходе производства, с заданными нормативами».

Для обеспечения качества продукции как главного выражения потребительной стоимости предлагалось использовать квалиметрический объем выпуска продукции. В качестве «радикального средства» предлагалось соединение социалистического соревнования со стимулированием труда, широко используя опыт 1930-х годов. Предлагалось премировать отдельных работников и их коллективы за место, занимаемое в ходе этого соревнования, или в соответствии с количеством отработанных человеко-часов. При этом «плановый орган задает цели соревнующихся, устанавливает показатели, по которым определяются победители, выступает как один из арбитров»⁹.

✓ Выдвижение потребительной стоимости в качестве основного критерия деятельности социалистических предприятий вместо меновой стоимости обосновывалось и другими авторами, которые предлагали более детальный механизм ее определения. Этому вопросу была посвящена специальная статья трех авторов¹⁰, а также статьи В. Н. Бобкова, Н. С. Переколина, Ю. С. Перовщикова. Усилия по обоснованию методов учета и планирования потребительной стоимости предпринимались в 1960–1980-е годы (начиная со знаменитой книги О. А. Антонова «Для всех и для себя») в ответ на примитивность методов планирования и учета в СССР, слабо учитывавших спрос и качество продукции. Они противопоставлялись также рыночным ценам, учитывавшим эти важнейшие факторы.

Анализ указанных статей и другой советской литературы по этому вопросу (который, конечно, должен быть продолжен) создает впечатление, что работоспособной альтернативы существующим методам выработать не удалось, поскольку показатели качества и спроса столь многообразны и сложны, что учесть их централизованно практически невозможно.

⁹ Якушев В. М. Указ. соч. С. 46–49.

¹⁰ Сиськов В. И., Долгин В. Г., Ельмеев В. Я. Основа противозатратности // Указ. соч. С. 210–239.

К тому же их следовало увязать с возможными издержками производства.

Авторы, как мне представляется, не сумели даже показать возможность хотя бы частичного использования предлагаемых методов для улучшения хозяйственного механизма. Тщетность усилий сторонников потребительной стоимости как основы социалистического хозяйствования скорее подталкивала к выводу о преимуществах рыночного механизма перед плановым. Следует в этой связи напомнить, что предпринимавшиеся в 1929–1930-е годы энергичные попытки заменить денежные показатели в планировании и учете на натурально-трудовые не увенчались успехом.

Намного более удачными оказались другие позитивные предложения ученых коммунистического направления. Авторы сборника, вопреки призывам либералов к сокращению капитальных вложений и действиям правительства в данном направлении, обращали усиленное внимание на опасности, связанные со старением основных фондов. Так, К. А. Хубиев указывал: «Как показывает мировой опыт, непременным условием выхода из экономического кризиса... является обновление основных фондов хотя бы на ключевых участках народного хозяйства. Самая наша большая потеря за годы экономической перестройки – это потеря времени, темпов движения. Ошибочно было строить программу ускорения на изношенных на 40% основных фондах... Драматизм ситуации состоит в том, что какие бы модели реформы не принимались, обновления основных фондов не избежать, а терпение народа иссякло»¹¹.

Однако при этом не было показано, за счет каких источников осуществлять инвестиционную ориентацию, какие направления выбрать в первую очередь. Не ясно было даже, надо ли сокращать военные расходы и в каком объеме, имеются ли излишние производственные мощности и где они размещаются. Программа носила слишком общий, неконкретный характер, в ней также не учитывалась необоснованность немалой части капитальных вложений.

Сильной стороной программы была сопряженная с инвестиционной инновационная направленность, так как для тех-

¹¹ Хубиев К. А. Указ. соч. С. 104.

нического обновления экономики требовались большие капитальные вложения. Можно сказать, что сторонники этого направления продолжали придерживаться концепции ускорения, от которой власти уже отказались. Это заметно в приведенных высказываниях К. А. Хубиева.

Столь же энергично и последовательно ее отстаивал и А. М. Еремин: «План НТП так и не был положен в основу планирования материальных результатов производства... Чем труднее дело с ресурсами, тем больше потребность в их централизации». Говоря о кризисе направления экономической науки, «официально признанном в высших органах партии, правительства и советской власти», он резонно замечает: «Разве это не кризис, когда игнорируется основа роста производительности и улучшения условий труда, без чего нет смысла говорить о каком-то прогрессе». «Именно с точки зрения НТП общенародная собственность, иное народное хозяйство, его возможности перелива и концентрации средств имеют в принципе неоспоримые возможности. И те результаты, которые мы имели когда-то при куда менее развитой экономике, более скромном по размерам инженерном корпусе, подтверждали потенциальные возможности». А. М. Еремин считал практическим инструментом реконструкции экономики общегосударственный план, предусматривающий «систематическое, последовательное перевооружение каждого предприятия через каждые 7–8 лет»¹².

Принципиально новые предложения по реализации управления научно-техническим прогрессом были предложены В. И. Рубцовым. Стратегию управления НТП должен был выработать коллегиальный орган – консультативный или экспертный совет по социально-экономическому развитию страны. «Непосредственным проводником и исполнительным органом инновационной стратегии, разрабатываемой Консультативным советом, должен стать Национальный инновационный центр (НИЦ), организационно оформленный как единый проектный комплекс, создаваемый в системе Академии наук СССР с двойным подчинением – непосредственно Президиуму Академии наук СССР и Президиуму Совета министров СССР. ГКНТ – этот пассивный, забюрократизированный орган

¹² Еремин А. М. Указ. соч. С. 172, 179, 184.

управления НТП, выполняющий в основном координационные функции по развитию науки и техники, должен быть упразднен и заменен активным органом в проведении единой инновационной политики в стране – Национальным инновационным центром. Необходимость такой замены диктуется тем, что НИЦ в отличие от ГКНТ СССР призван осуществлять не частичную функцию в области НТП, а целостную функцию по разработке и реализации общегосударственной инновационной политики в стране. Такого рода инновационный центр, не имеющий по своим масштабам, целям и задачам прецедента в истории развития мировой науки и техники, как раз и призван, образно говоря, не просто стоять рядом с прогрессом, подобно ГКНТ, и заниматься бумажной “координацией”, а непосредственно переводить абстрактный язык результатов фундаментальных и важнейших прикладных исследований на понятный всем язык материальных результатов».

Из дальнейшего описания деятельности НИЦ следует, что он мыслился В. И. Рубцовым как расширенная по своим масштабам организационная структура управления атомным и ракетным проектами в СССР, блестяще оправдавшая себя. Это впечатление усиливается предполагаемым подчинением ему центральных экономических ведомств¹³.

Однако прямое заимствование данного удавшегося опыта ставит вопрос о достаточности научно-инженерного и рабочего персонала для решения столь многообразных задач в отличие от двух-трех крупнейших, решавшихся в те годы. И где предполагалось найти руководителей типа И. В. Сталина, Л. П. Берии, С. П. Королева и И. В. Курчатова? Наконец, самое важное – при развитии оборонной промышленности можно было не считаться с величиной издержек. Для развития широкого круга отраслей гражданской промышленности это было невозможно, потому что разорило бы экономику. Как разрешить эту ключевую проблему, автор не показывает.

Рубцов рассчитывал путем создания НИЦ реализовать уже тогда поставленную цель: «Не вдогонку, а в обгон»¹⁴.

¹³ Рубцов В. И. К эффективной государственной инновационной политике // Указ соч. С. 269–271.

¹⁴ Там же. С. 273.

Решили же ее при аналогичной структуре в ракетной технике в 1950–1960-е годы.

Высоко оценивая новаторские (хотя очень нелегкие в реализации) идеи В. И. Рубцова, хочу отметить, что близкие идеи более 10 лет назад высказывались двумя новосибирскими учеными из Института экономики СО АН СССР¹⁵.

Важное место в исследованиях этой группы экономистов занимали проблемы теневой экономики. Статья А. А. Сергеева предостерегает от опасности тотальной капитализации экономики, которая большинству советских (да и западных) экономистов казалась тогда эфемерной.

Используя разнообразные источники из периодической печати и весьма квалифицированно произведя собственные расчеты, Сергеев убедительно показывает, что в 1989–1990-е годы теневая экономика уже стала крупнейшей силой, оказывающей огромное разрушительное влияние на экономику СССР. Особенно интересна оценка приписок и якобы потерь (сильно преувеличенных для сокрытия хищений) как источников доходов теневой экономики, из чего следует ее паразитический характер. Он критикует широко распространенные в то время взгляды, что теневая деятельность является следствием административно-командной экономики и товарного дефицита, и резонно задает вопрос о том, чем можно объяснить ее малое распространение в период культа личности Сталина, и не был ли сам товарный дефицит результатом теневой экономики?

В связи с этим он утверждает, что «совбуры» – новые советские буржуа, хозяева «теневой экономики» – являются особым самостоятельным и антисоциалистическим антинародным слоем общества, главным тормозом социалистической направленности перестройки. Этот вывод был направлен не только против прекраснодушных реформаторов, видящих в теневой экономике лишь досадный пережиток командной экономики, но и против лидеров перестройки из числа руководителей КПСС. В связи с этим он справедливо утверждает, что кооперативы в большинстве своем превратились в «легальную верхушку

¹⁵ Мучник В. С., Голланд Э. Б. Некоторые особенности современного этапа развития техники и технологии. Научно-технический прогресс. Моделирование народного хозяйства. М., 1976. С. 70–142.

айсберга подпольного капитализма, где “отмываются” деньги, полученные преступным путем». Очень убедительно его обоснование инфляционного влияния теневой экономики.

Очень пронизательно Сергеев оценивал результаты предполагаемого акционирования предприятий. Он предвидел, что при выпуске «настоящих (т. е. не именных, а анонимных) акций их контрольный пакет окажется в конечном счете в руках немногочисленных “социально активных” граждан, а это будет означать преждевременную кончину едва народившегося самоуправления трудовых коллективов». Предвидел он и последствия введения продажи квартир населению: «При нашем всеобщем дефиците это обязательно приведет к перекачке ресурсов со строительства “бесплатного” жилья на возведение “платного”»¹⁶.

Рассматривая социально-экономические последствия дальнейшего развития теневой экономики как «подпольного капитализма», Сергеев предостерегал: «Позволить совбурам добиться своих целей – значит свергнуть страну в пучину господства плутократии, реставрировать капитализм в его худших проявлениях, с все более резкой имущественной и социальной дифференциацией общества, размыванием социальной защищенности трудящихся, массовой безработицей, постоянной инфляцией, падением жизненного уровня основной части рабочего класса и других действительно трудящихся слоев населения». Впрочем, эти последствия (кроме постоянной инфляции) уже тогда предвидели и либеральные экономисты, рассматривая их как временную необходимую плату за переход к рынку.

А. А. Сергеев считал необходимым вынести вопрос о собственности, как «коренной вопрос всей нашей жизни», на всенародный референдум. Весьма профессионально рассматривает он принципиальный вопрос о том, «нужна ли нам частная собственность». Он подвергает критической оценке преувеличенные восторги об успехах стран с рыночной экономикой (США, ФРГ, Швеции и Южной Кореи) и показывает, что советская публицистика игнорирует особо благоприятные условия в некоторых странах или огромные жертвы населения в Южной Корее. Большая же часть населения стран с рыноч-

¹⁶ Сергеев А. А. Пир состояться не должен! // Указ. соч. С. 52–54, 66–67.

ной экономикой (стран «третьего мира») живет в тяжелейших условиях. На этом основании он ставит под сомнение, что СССР последует по пути благополучных стран, а не стран-париев, ссылаясь, между прочим, и на Г. Х. Попова, который в начале 1989 г. выражал опасение, что СССР в этом случае ждет бангладешский или индийский капитализм.

Быть может, самым выдающимся произведением общественной мысли того времени явилась относительно небольшая по размеру книга «Постперестройка»¹⁷, также практически проигнорированная советской печатью. Отличают эту книгу несколько особенностей. Во-первых, очень высокий интеллектуальный и литературный уровень. Во-вторых, широчайший круг охватываемых проблем. В-третьих, малоизвестность авторов сборника, относящихся если не к диссидентской, то определенно к оппозиционной к власти части интеллигенции. Тем более впечатляло страстное отстаивание ими в книге коммунистической идеи.

Исходная общественная позиция авторов книги такова: 1) подход к коммунизму как к гуманистическому ответу на проблемы современной цивилизации и наследнику идей основных религий; 2) отделение коммунизма от его служителей, ответственных за искажение идеи; 3) рассмотрение советского общества как разновидности традиционалистского, вследствие чего терпели неудачи неоднократные попытки в советский период его либерализовать («либерализовать традиционное общество “малой кровью” нельзя, можно лишь спровоцировать его этой либерализацией на консервативную судорогу»). Последнее утверждение говорило о глубоком понимании авторами характера советского общества, что отличало их не только от советских либералов, но и от многих коммунистических фундаменталистов.

Отстаивание авторами коммунистической идеи не означало оправдания ими конкретных действий коммунистической партии, особенно в 1960–1980-е годы. Ключевым событием в процессе деградации советского общества они считают 1968 г. – год начала массовых репрессий против политической оппозиции,

¹⁷ Кургинян С. Е., Аутеншлюс Б. Р., Гончаров П. С., Громыко Ю. В., Сундиев В. Ю., Овчинский В. С. Постперестройка. Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М., 1990.

«когда нанесли сокрушительный удар по прогрессистам, а заодно и всем прочим инакомыслящим, по сути репрессировав все будущее страны, лишив ее информационной свободы». В результате «партийно-бюрократическая структура все более вырождалась, теряла лицо, предавала интересы народа, становилась рассадником теневой идеологии и, главное, цинизма, приобретшего в середине 1970-х годов характер повального бедствия».

Жесткой критике подвергается экономическая политика периода перестройки. Авторы считали, что ответом на падение мировых цен на нефть в середине 1980-х годов должно было стать «повышение цен, падение жизненного уровня. Но эта мера требовала решимости, жесткости, государственного мужества. Их не было». Без этих мер открывалась дорога теневому криминальному бизнесу, паразитирующему на дефиците, и происходил «криминальный взрыв – невиданный по масштабам альянс бюрократии с криминалитетом». Показ огромной опасности организованной преступности для будущего советского общества – одна из самых сильных и ярких страниц книги, чего не было ни в одном из произведений того периода.

Надо отметить редкую для того времени квалифицированность авторов в отношении последствий форсированного перехода к рыночным отношениям. «Трансплантировать в нашу социальную ткань, не разрушая ее, десятки тысяч социальных, экономических и хозяйственных институтов, обеспечивающих эффективность современного рынка, невозможно. При “пересадке” уже второго или третьего элемента существующая экономика рухнет. Мы не сумеем осуществить в том виде, в каком существуем сегодня, даже нормального контроля над доходами физических и юридических лиц, необходимого для адекватного налогообложения. Тем более утопично построение сколько-нибудь эквивалентного западному рынка с фондовой биржей, ценными бумагами, регулированием финансовой деятельности, эффективным антимонопольным законодательством и пр... Мы приобретем в итоге лишь перекрашенные идеологические фасады, понижение уровня жизни и новых, еще более жестоких хозяев, теперь уже не сдерживаемых даже страхом потерять место в высокой страте»¹⁸.

¹⁸ Кургинян С. Е. и др. Указ. соч. С. 24, 27–29, 37–38, 68.

Авторы противопоставили этой перспективе свой, по необходимости краткий проект модернизации экономики. В определенном смысле он напоминал изначальный для перестройки план ускорения, но был намного более изобретательным и поэтому и реалистичным. Основную и даже единственную задачу советского общества они формулируют следующим образом: «Преодолеть в исторически кратчайший срок отставание производительных сил нашего общества от производительных сил наиболее развитых стран Запада и Востока – стран-лидеров». Именно в решении этой задачи авторы видели возможность преодолеть отставание СССР в различных областях общественной жизни.

Как же они представляли себе решение задачи, которую ранее не раз ставили и, начиная с 1960-х годов, блистательно проваливали? «Чем сложнее наше положение, тем напряженнее должен быть труд, для того чтобы “избыть” беду... Страна должна выбирать между прорывом, форсированным развитием и распадом, деградацией, хаосом». Это уже скорее общественная философия 1930-х годов в СССР: или мы догоним развитые капиталистические страны, или нас сомнут. С тревогой говорят авторы (кажется, впервые) о том, что вместо необходимости напряженного труда в обществе наблюдаются «симптомы “трудового паралича”, апатии, “эрозия трудовой деятельности”». «Это не просто падение трудовой дисциплины, что само по себе не может не вызвать беспокойство, это – мотивационная катастрофа, сознательная переориентация с созидания на добывание, потеря активности, “внутренней” дисциплины, своего трудового “Я”, умения одержимо работать». Поистине, они шагали не в ногу с ротой духовных и политических капитулянтов.

Необходимость нового экономического рывка они обосновывали растущей опасностью необратимого экономического упадка. Их примерные расчеты и сейчас поражают своей дальновидностью, притом, что среди авторов не было профессиональных экономистов, и потому конкретные цифры могут быть подвергнуты сомнению в своей абсолютной точности. «Основной проблемой страны, основной болезнью ее экономики мы считаем колоссально изношенный машинный парк... в совокупности с ничтожной восстановительной способностью нашего машиностроения. Так, за чертой износа находится сегодня:

основных фондов – более чем на 400 млрд руб., а производительность машиностроения (восстановительная способность), регенерационный потенциал экономики не превышает 5 млрд руб. Таким образом, используя возможности нашего машиностроения, мы 80 лет должны были бы восстанавливать наш промышленный потенциал при среднем времени обновления машинного парка развитой страны, равного десяти годам!!!».

По их расчетам, в 2005 г. должно было остаться лишь 10% машинного парка. И хотя данный расчет преувеличивал размер выбытия парка оборудования, он верно отражал тенденцию его быстрого сокращения. Единственной серьезной методологической неточностью здесь является сравнение износа основных фондов с восстановительной способностью одного машиностроения, а не всего инвестиционного комплекса плюс чистый его импорт.

Исходя из проанализированных экономических угроз и задач экономического развития, авторы книги определили в тезисной форме, как они оговариваются, стратегию экономического развития СССР: «Мы видим выход в форсированной модернизации промышленности». Значительное место среди средств финансирования такой модернизации они видели в мобилизации излишних запасов и экономии сырья и материалов с помощью преимущественно средств налоговой политики и системы материального поощрения этой экономии. Однако предполагалось и более непосредственное административное вмешательство в этот процесс – «создание специальных предприятий, которые в чрезвычайном государственном режиме проводят извлечение омертвленных ценностей и запасов с выводом их на внешний рынок, специальные административные санкции к тем, кто противодействует выполнению государственной программы, централизация и жесточайшее программирование использования средств, полученных от продажи мертвой части нашего национального богатства».

Создается впечатление, что авторы плохо верят в действенность предлагаемых ими экономических рычагов и возлагают надежды на чрезвычайные административные методы.

При определении источников финансирования модернизации обнаруживается слабость в экономической подготовке авторов сборника в отличие от их экономической интуиции.

Они не смогли произвести расчет средств, необходимых для модернизации экономики, и источников их финансирования. Преувеличены были их надежды на ликвидацию неликвидов. Совсем не упомянута необходимость сокращения военных расходов и снижения личных доходов населения (хотя о необходимости жертв населения в других местах книги говорится). Столь же наивный характер имеют и их представления о будущем хозяйственном механизме.

Новаторским является предложенный авторами книги алгоритм модернизации, предполагающий ориентацию на наиболее передовые производственные, организационные и интеллектуальные ресурсы экономики и общества с последующим распространением их опыта и методов на всю экономику. Этот лидирующий сектор должен был ориентироваться на сбыт своей продукции на внешних рынках¹⁹.

* * *

Если обобщить анализ позиции экономистов коммунистической направленности, то можно сделать следующие выводы. Во-первых, наиболее интересные предложения шли из второго, если не третьего эшелона коммунистической интеллигенции, даже полудиссидентов. Первый эшелон оказался интеллектуально бесплоден. Во-вторых, эти авторы проделали блестящий анализ недостатков существующей модели экономики и опасностей радикальной экономической реформы, продемонстрировав высокий профессионализм. В-третьих, позитивные предложения авторов были значительно слабее, они зачастую требовали доработки до жизнеспособного вида. Но многие из них допускали и такую доработку с привлечением компетентных специалистов. Многие авторы недооценивали глубину разложения государственного и партийного аппарата. Только в силу одного этого обстоятельства предложения выглядели сомнительными. Как решить эти проблемы, подавляющее большинство из них не знали.

**Окончание статьи – в № 2 за 2009 г.
Полный текст см. на сайте: www.econom.nsc.ru/eco**

¹⁹ Кургинян С. Е. и др. Указ. соч. С. 12–13, 15, 83, 86–89.